



LIMITED TO 3,000 COPIES WORLDWIDE

BLACK LIBRARY
GAMES DAY ANTHOLOGY
2012/13

ДАЛЕКИЕ ОТГОЛОСКИ ДРЕВНЕЙ
НОЧИ

...

РОВ САНДЕРС

- И ОНИ НАЗВАЛИ его... Смертью, - по
открытому вокс-каналу шипела проповедь
брата-

капеллана Морганса Мурнау. Прямые
черные волосы подобно занавесам
обратляли

бледное лицо, не скрывая злобного взгляда.
Стоявший среди фиксирующих рат

гесантной капсулы капеллан сыпал
словами в массивный трубку основного
вокса, держа

под рукой массивный скалящийся череп-
шлем. - Живое воплощение Конца. Тьма,
перед

которой мы трепещем. Избавление,
которое мы жаждем. Будущее, которого
мы

страшимся.

Капеллан Гвардии Смерти шагнул на

ратны. Десантная капсула застряла в
грязи,

похожая на вытянутого, покрытого
заклепками клеща. Вокруг него была одна
топь.

Убедительная речь капеллана отдалась
эхом среди окатеневших железных
деревьев,

ветер разносил его мрачные слова,
подобные сладкозвучному безумию, над
пропитанной

соком растений трясинной. Проповедь
прервал короткий и редкий выхлоп из

стабилизирующих двигателей, когда
машинный дух десантной капсулы
попытался

удержать ее вертикально и не позволить
погрузиться в болото.

-- Он дает вам не больше, чем требует
ваша смертность. Мы играем в вечность,
но нас

создали не для нее. Тепло покинет наши
тогучие тела. Наши сердца будут биться
пустым

эхом. Кровь застоится в наших венах, а наша плоть сгниет. Смирись с этим.

Мурнау оглядел пузырящееся болото. Земля была пропитана водой и разложением,

кишела паразитами, меганожками и вшами. Призрачные тучи комаров роились и

кружились над поверхностью, наполняя зловонный воздух жужжанием миллиарда крошечных крылышек.

Мурнау смотрел, как барахтается в трясине тонущая птица, хлопая липкими крыльями с

тщетным неистовством. Ее массивный клюв когда-то стучал по колоссальным стволам

железных деревьев, но сейчас он бесполезно толотил по слизи из микроорганизмов,

которые уже разрушали драгоценную плоть птицы.

Это место -- Алгонкис -- когда-то было покрытой зелеными лесами луной, благословенной

стаями таких пестрых птиц. Они сидели на вершинах деревьев и наполняли окрестности

резки на слух песнями. Внизу разбросанные группы по заготовке леса и законтрактованные работники вырубали железные деревья промышленными цепными

топорами и пилами. Плотная древесина поставлялась на лесопилки, цеха и заводы других миров, где один из самых крепких пиломатериалов в Империи использовался в

неисчислимых целях. Лесистая луна входил в состав суб-сектора, который изобиловал

агротирати и был центром пересечения торговых путей, пока регион не навестил фрегат

Гвардии Смерти «Жало Барбаруса», карающей орбитальным разрушением один имперский

мир за другим. Мурнау следил, как командир корабля с ужасным знанием дела

настоящего специалиста выбирал разные
виды смертоносного биологического оружия
для каждой планеты-жертвы.
Искусственно созданные болезни,
загрязнители атмосферы
и казалось бы давно искорененные
галактические эпидемии, воскрешенные
изменниками-
агентами Механикум под руководством
Моритата Форгала.

Урожай агромира сгнил на огромных,
континентальных размерах полях. Стада
тучного
скота погибли, пронзенные изнутри
спорами свирепствующих грибковых
инвазий. Вода

чистых богатых океанов превратилась в
светло-коричневое поило. Для Алгонкиса
Форгал

припас настолько разрушительный и
прожорливый истребитель экологии, что
даже

Мурнау был удивлен, как быстро лесистая
луна превратилась из мира вечнозеленого

потенциала в гниющий шар грязи и
разложения. Сухие излы засыпали лесную
почву, а

огромные стволы железных деревьев
истекли соком, превратив плодородный
чернозем в

тошнотворную трясину. Агрессивные виды
грибков разорвали древесину и кору, свалив
множество колоссальных деревьев.
Оставшиеся превратились в окаменевший
лес из

гигантских столбов, которые обвиняюще
указывали на небеса. Когда популяции
местных

насекомых погибли, подпитывая оболочку
утраченного мира, плесень и черная
тилдия

покрыли все слоем конкурирующих
микробов.

-- Послушай меня, Латам, -- прорычал
капеллан в вокс-трубку. -- Ты и твои
братья Кулаки

уже мертвы, вы просто еще не знаете об
этом. Где ступают сыновья Мортариона,

там

торжествует воля Владыки Смерти. Мы
несем голод, чуму, войну и полное
уничтожение

во многих его формах. Мы несем
апокалипсис во имя Мортариона. Мы --
Гвардия Смерти,

капитан Латам. Мы -- Конец всему, --
Мурнау позволил злобному выражению
растянуться

в лучительную улыбку.

-- Но, -- сказал капеллан, подняв палец, -- не
облегчай нам задачу. Хотя мы здесь для
того, что отправить тебя в самое
последнее путешествие, смерть
бесстысленна без

сладкого сожаления о счастливой жизни.
Когда твои уничтожители заберут твою
жизнь, а

они это сделают, можешь не сомневаться,
я хочу, чтобы ты постарался. Чтобы боль
утраты отразилась в твоей груди с
хрипом последнего вдоха. Ничто так не
радует моего

повелителя, как семена сомнения,
посеянные в сердцах смертных, семена,
которые

вырастают в сады тьмы и отчаяния,
прежде чем его инструменты смерти не
вырвут эти

сердца из несчастных и отчаявшихся тел.
Мы -- инструменты, капитан. Знай, что
никакие

укрепления и защита не спасут тебя.
Знай, что помощи не будет. Знай, что
твой

Император покинул тебя.

Вокс в шлеме Мурнау застрекотал. Он
повесил вокс-трубку на встроенный в стену
рычаг и

надел боевой шлем.

-- Мурнау слушает, -- прошипел он.

-- Моритат Форгал хочет поговорить с
тобой, брат-капеллан.

-- Переключай.

Мурнау снял со стеллажа болт-пистолет
с барабанным магазином и вложил в кобуру
на

поясе. С большим почтением он взял с подставки жезл своей должности -- крозиус арканус. Короткий агамантиевый стержень венчала фигура костлявого ангела, его

изогнутые крылья соприкасались кончиками, образуя ужасного шипастое навершие почтенного оружия.

Мурнау спустился с ратны в трясины, с его бронированные колени плескалась похожая

на сироп грязная вода. Капеллан чувствовал, как мокрая земля цепляется в его ботинки

засасывающей хваткой, хотя мощи его силового доспеха было более чем достаточно,

чтобы выдернуть их из болота. Шагая по грязному мелководью, Мурнау вышел из тени

посадочной капсулы и направился через окаменевший лес.

-- Это форгал, -- затреещал вокс. Голос

офицера был галеким, как эхо в гробнице.

-- Мой брат в жизни и смерти, -- ответил

Мурнау, -- помехи забивают связь.

-- Дело не в ретрансляторе, -- сказал ему

Форгал. -- «Жало Барбаруса» покинуло

орбиту.

-- Ты уходишь? -- спросил Мурнау.

-- Сканирование авгурати дальнего

действия выявило флотилию-жертву,

которая входит

в соседнюю систему.

-- Грузовые суда?

-- Большие зерновозы в сопровождении

эскортного крейсера Имперской Армии, --

сообщил ему Моритат, -- мы собираемся

принести им кару примарха.

-- А мы исам Дорна на поверхности

лесистой луны, -- заверил его Мурнау.

Когда Мурнау тащился через трясины, а

по воде перекачивалась слабая рябь, он

чувствовал, как распадается под

подошвами ботинок гнилая масса упавших

деревьев.

Почерневшие чахлые останки все еще пронзали висевший над водой ядовитый туман.

Липкая поверхность боевого доспеха стала ловушкой для неловких мух и комаров, и вскоре броня покрылась утирающими насекомыми.

Он увидел галекую и мгновенную вспышку во тьме леса, за которой последовала тепловая волна, всколыхнувшая дымку и зарегистрированная авточувствительными датчиками доспеха. За

разорванной пеленой тумана показалась цель капеллана. Мурнау смог разглядеть среди

изъеденных болезнью деревьев разбитые очертания потерпевшего крушение корабля.

Огромная секция была одной из пяти, обнаруженных Гвардией Смерти на болотистой

поверхности Алгонкиса. Когда «Жало Барбаруса» столкнулся с фрегатом Имперских

Кулаков «Ксанф», который тайно крался
через опустошенные агро-миры, Моритата
Форгал

обрушил на корабль лоялистов весь
арсенал. Тот рухнул на зловонную
поверхность

луны, расколовшись при падении.

Форгал направил капеллана на место
катастрофы. Его приказ был однозначным:
выживших быть не должно.

— Мурнау, — проскрежетал по воксу
Моритата, — фенестра до сих пор не
расшифровал

астротелепатическое сообщение,
переданное с «Ксанфа».

— Это... печально. Мы должны были
спустить шкуру с этого урода,
притягивающего

болтерные снаряды. Мне противно, что
наша гальняя связь зависит от такого
выродка.

— Но это так, — сказал Форгал. Мурнау
услышал, как офицер сделал быстрый
хриплый

вдох. Это было обычное предвестие какого-то упрека. Мурнау много раз замечал подобный звук, перед тем как Моритат устраивал нагоняй нижестоящему легионеру. --

Дело в том, брат Мурнау, что если бы твое отделение поставило врага на колени, не было никакого астротеленатического сообщения.

Мурнау сдержал готовое вырваться объяснение. Он не будет оправдываться: он капеллан Гвардии Смерти. Во тьме он был всевидящими глазами Мортариона, в тишине

-- жгучими словами притарха. Где царила нерешительность, Мурнау гарантировал жесткость

Владыки Смерти... а Мурнау был уверен, что в сердцах Витаса Форгала царила нерешительность, вот почему Моритату нравилось исполнять приказы магистрата войны с командного трона.

-- Покончи с ними, Морганс, -- проворчал Форгал, -- немедленно.

-- Какого рода сообщение? -- спросил Мурнау, меняя тему разговора.

-- Фенестра говорит, что оно зашифровано, -- сообщил офицер Гвардии Смерти, -- но

колдун прежде не встречал такой ког у Легионов. Им определенно не пользуются Имперские Кулаки, и он совсем не похож на ког Легионес Астармес.

-- Пункт назначения?

-- Сол, -- ответил Форгал, голос Моритата вдруг исказили помехи. Они потеряли вокс-сигнал.

-- Фактический пункт назначения корабля, учитывая его последнюю зарегистрированную траекторию.

-- Унтригүюще, -- сказал Мурнау, -- значит «Ксанф» что-то вез. Информацию. Технику.

Сырье. Дорн укрепляет позиции, это в его натуре. Кулаки үйдүт в глухую оборону и

постараются выдержать надвигающуюся бурю. Я скажу, пусть попытаются, и пусть Гвардия Смерти покажет им тщетность их безнадежного дела, -- он задумался на миг. --

Почтенный Моритат, стоит ли нам изменить цели операции, а этот предназначенный для

Терры груз обнаружить и доставить стратегам магистра войны?

-- Нет, -- ответил Форгал, -- оставим эту тонкость нашим кузенам из XX Легиона. Это

война, а сыны Мортариона имеют дело со смертью, а не сбором бессмысленных деталей. Приказ прежний. Никаких выживших, Моргакс. Ты понял?

-- Бюджет сделано, -- заверил его капеллан.

-- «Жало Барбаруса» скоро вернется за вами, -- сказал Форгал, -- затем скупа Варна и на

лұны-заводы Униплекс Минора. Закончи дело и сделай это быстро.

Когда Мурнау шагал под морозящим дождем по мелководью, он увидел еще одну

...

вспышку. Его доспех зарегистрировал тепловой след энергетического оружия, который

исходил из разрушенного фрагмента корпуса. Туман и тучи мошек поредели, и капеллан

увидел все величие костической победы Форгала. Останки корабля представляли искореженные развалины. Все, что осталось от «Ксанфа» это артиллерийская секция

тигеля, готическое великолепие которого по мере затопления одного отсека загрузит

одним концом уходило под поверхность вскипевшего болота.

Мурнау оценил цель взглядом тактика. В то время как один конец оторванной секции

затонул, второй возвышался подобно металлической горе. Капеллан пробежался

оптикой

по открытым внутренностям корабля,
разрушенным пожарами и истекающих
различными

газами и гидравлическими маслами.
Отверстия и дыры в стальной обшивке
корпуса

предоставили лоялистам албазуры и
возможность не подпускать близко
атакующую

Гвардию Смерти. Ее подстерегал
прерывистый огонь из лазерных карабинов
и болтеров.

Пробежав по вокс-каналам, Мурнау нашел
сержанта Грүлла Горфона,
выкрикивающего

грубые приказы своему отделению.
Гвардия Смерти занимала позиции возле
правого

борта фрегата. Он получил самые
тяжелые повреждения, и Улперские
Кулаки проделали

впечатляющую работу по укреплению
переходных шлюзов и баррикадированию

брешей в

корпусе на других направлениях.

Капеллан нашел воинов Горфона, когда те передвигались между избитыми болтерными

снарядами стволами окаменевших гигантов. Как и Мурнау они находили злое

возбуждение в окружающей среде, вокруг них утирал мир, из этой смерти рождалась

новая жизнь. Это была скользкая, зловонная, мерзкая форма жизни, но, тем не менее,

жизнь. Так как враг укрепился внутри разбитого «Ксанфа» и имел в своем распоряжении

все боеприпасы фрегата, Гвардейцы Смерти решили лишить их безопасных укрытий.

Моргакс Мурнау считал, что для каждой работы есть свой идеальный инструмент. На

борту «Жала Барбаруса» среди

контингента Гвардии Смерти имелся таковой. Грубое и бескомпромиссное средство беспощадного опустошения -- отделение уничтожителей Горфона, известное под именем «Могильщики».

Уничтожители привлекали худших из числа Легионес Астармес Космогосантников, которых офицеры Легиона держали на коротком поводке: бездушных, склонных к разрушению, не знающих пощады, тех, для кого галактика должна пылать. Тем не менее,

в случаях крайней необходимости прибегали к исключительным талантам этих воинов.

Оружие массового разрушения извлекали из темных недр арсенала, а аппетит уничтожителей к истреблению возбуждался шансом на кровавую и свирепую битву.

Форгал приказал, чтобы выживших не было. И Мурнау вызвал Могильщиков.

Шлепая по трясине среди всплесков болтерных снарядов, Мурнау подошел к Зорраку --

одному их специалистов тяжелого вооружения Могильщиков. Его броня была неокрашенной, но забрызгана грязью в качестве подходящего камуфляжа.

Прижавшись

ранцем к гниющему стволу окаменевшего железного дерева, уничтожитель прижился к

груди громогдную ракетную установку.

Зоррак кивнул, приветствуя проходящего мимо

капеллана, от чего разошлись темные спутанные волосы, открыв под собой

кровотокающую маску. На покрытом шрамами лице уничтожителя горели таникальным

возбуждением белки глаз, а покрытые струпами губы изогнулись в дьявольской улыбке.

На поясе Зоррака бряцали запасные боеприпасы со специальным снаряжением.

Это были разработанные терранцами коштары, ужасное оружие из тьмы генетических войн Древней Ночи. Боеголовки, оснащенные сырьем из списанных ядерных реакторов, были настолько радиоактивными, что Зоррак только каким-то чудом не светился в темноте. Вместо этого он и его товарищи платили ужасную цену за применение такого страшного оружия — ожоги и шрамы, нанесенные их рожденным войной телам.

Капеллан отклонился, когда лазерный луч пронзил покрытую грибком кору у плеча Зоррака. Уничтожитель оскалился блестящими белыми зубами, после чего наклонился к пусковой установке и прицелился в разбитый фрегат. Из дергающейся установки вылетели одна за другой ракеты и разорвались в корпусе фрегата, окутав

корабль

слепящим сиянием. Некоторые превратили отверстия и искореженные вмятины в еще

большие бреши для ожидающей Гвардии Смерти. Другие вызвали цепь внутренних взрывов, которые пробежались по кораблю, наполнив внутренние помещения

чрезвычайно токсичными радиоактивными веществами и вынудив сервов Легиона

покинуть свои посты.

Капеллан шагал под прикрытием самых больших железных деревьев, трясина цеплялась

в каждый его шаг. Попадавшиеся навстречу уничтожители приветствовали Мурнау

безутными взглядами и изъеденными язвами устешками. У всех воинов отделения

Горфона были радиационные ожоги и болезненный отталкивающий вид, характерный для

их специализации. Вооруженные
массивными болт-пистолетами, они
перебежками от

дерева к дереву приближались к острову,
останавливаясь только, чтобы бросить в
него

радиационные гранаты. Гвардейцы
Смерти периодически осыпали тонущую
секцию

очередями крупнокалиберных снарядов,
дерева с трачным весельем в ответ на
попытки

лоялистов сразить их.

Со стороны острова «Ксанфа» раздался
грохот запирающего механизма
орудийного

станка. Мурнау узнал звук. Вокс-канал
наполнился какофонией предостережений.

-- Выстрел! -- услышал он крик сержанта
Горфона, адресуемый его людям.

Капеллан навел оптику на стятый борт
фрегата. Из темноты искореженной
атбразуры

появился массивный ствол единственного

орудия. Каким-то образом капитан Латам
ввел

в действие одну из оставшихся пушек, а
выжившие передвинули ее на позицию на
поврежденном лафете.

Мурнау нигде не мог укрыться от
плазменного выстрела, свидетельством
тому были

открытое пространство и тлеющие
огрызки железных деревьев. Орудие
облагало

опустошительной мощностью, но без
откалиброванного прицела было
неэффективным.

По возвышению гигантского ствола
Мурнау определил, что траектория
выстрела в

лучшем случае была настильной.
Умпровизированный расчет за чудовищем
не

собирался тратить впустую выстрел, и
капеллан предположил, что лоялисты
скорее

возьмут прицел выше, чем выстрелят без

всякой пользы в болото.

-- Делай, что хочешь, -- прошипел Мурнау сквозь зубы. Он невозмутимо опустился на колени в воду и склонил череп-шлем. -- Я не боюсь смерти...

Все вокруг стало белым.

Рев орудия, предназначенного для боя между костяными кораблями, встряхнул его до самых костей. Автоматства доспеха мгновенно отключились, а слякоть вокруг него

выкипела в пелену грязного пара.

Мурнау с трагичной самогубительной устремленностью вскочил на ноги прежде, чем восстановилось его зрение. Как он и предугадал, плазменный луч прошел над их позицией и выжег просеку в окаменевшем лесу. Ствол огромного орудия исчез, отброшенный на свой колоссальный лафет, но Мурнау почувствовал, что через открытый орудийный порт на него смотрят разочарованные глаза.

Пройдя через вязкую топь, Мұрнау
обнаружил довольного сержанта Горфона,
который

ждал его. Двое Могильщиков -- покрытые
многочисленными шрамами братья
Кхүргүл и

Тхолик -- выкрикивали возле омертвевших
стволов деревьев негодные
ругательства в

сторону тонущего корабля, поджигая
Циперских Кулаков. Они стреляли в
открытые и

более уязвимые места острова из огромных
пушечек и швыряли связки гранат. Их

взрывы окутывали болото радиоактивным
туманом, убивавшим насекомых, и из-за
которого терзал разбитый корпус

«Ксанфа». Через несколько минут Мұрнау
почувствовал фоновый треск радиации,
отфильтрованной боевым доспехом. Броня

сказала ему то, что он уже знал -- смерть
в одной из своих бесчисленных форм
нависла

тяжелым саваном над всем районом.

-- Вдохновляет, капеллан, -- сказал
сержант уничтожителей, когда Мурнау
проделал

последние тяжелые шаги в воде, которую
тревожили лазерные лучи. Как и его воины
Грулл

Горфон представлял ужасное сочетание
шрамов и ожогов от воздействия
радиации. Его

бритая голова была похожа на
потрескавшуюся коросту, из язв на его
худые щеки

стекала мерзкая жидкость. А
потрескивающий силовой кулак еще
больше подчеркивал

жуткий вид сержанта, он выглядел
кривым, почти горбатым.

-- Докладывай о ситуации, сержант, --
капеллан говорил подчеркнуто резко, но
если его

тон и встревожил Горфона, то
уничтожитель это никак не показал.

-- Кулаки прикрывают этот обломок
крепче, чем задницу Дорна, -- грубо повелел

сержант.

-- Баррикады и переборки заварены. Большое количество сервов -- думаю, около сорока --

держат под огнем подходы, и они ввели в действие пушку правого борта. Все это произошло до того, как настоящая проблема в виде Ориэля Латама и четырех его

ветеранов скрылась там.

-- Наши потери? -- спросил Мурнау.

-- Трое, -- ответил ему Горфон с небрежным смирением. -- Это чертовое оружие убило

Рорка с первого выстрела. Латам и его ублюдочные братья сняли Урз-кала и Ортага,

когда они проводили разведку незащищенных входов. Хорошая новость в том, что у

Латама заканчивается время. Этот обломок тонет и чем больше он принимает болотной

воды, тем быстрее погружается. Думаю,

после того как мои уничтожители
проделали

между палубами радиоактивную дыру,
герой Латам скоро отступит внутрь.

Мурнау обратил обжигающие линзы
черепашлема на Горфона.

-- Боюсь, эти новости не достаточно
хороши, сержант, -- прошепел капеллан, в
его голос

частично вернулась прежняя
таникальная болезненность. -- Форгал
ускорил наш

график. Мурнат отправил верных псов
Дорна долгой дорогой смерти, но именно
нам

выпало проводить их до конца пути. У нас
немного времени до эвакуации. Ты
слышишь

меня, Горфон?

Сержант медленно кивнул, но не сдержал
безумной усмешки, растянувшей покрытые
струньями губы.

-- Мы можем взять «Ксанф», -- сказал он, --
но это будет стоить крови. Наши потери

бүдүт

высокими.

Капеллан кивнул.

-- Думаешь, Владыка Смерти хочет, чтобы ты сопровождал его вечно?

Невольная устешка превратилась в трагичный стешок двух воинов.

-- Думаешь, это не касается всех нас? -- добавил Мүрнау, как себе, так и Горфону и его

ужасным уничтожителям. -- Собирай отделение, сержант, для прямого штурма вражеского

корабля. Мы проделаем собственный вход и возьмем борт Латама и его Кулаков.

-- Да, брат-капеллан, -- заверил его Горфон, после чего вернулся к воксу госпеха. --

Могильщики, -- обратился по связи сержант уничтожителей, -- немедленно отходите к

моей позиции. Отдан приказ -- абордаж. Зоррак и Хадар-Гүл обеспечивают прикрытие.

Заградительный огонь. По всему фронту.

Мурнау вытащил пистолет и ждал среди
железных деревьев, пока оставшиеся

Могильщики направлялись через лазерный
огонь по телководью к позиции сержанта.

Как

и было приказано Зоррак и Хагар-Гүл вели
по «Ксанфу» непрерывный и ослепляющий

огонь радиационными ракетами.

Уничтожители крались по грязи, как
крабы. Мурнау

показалось, как корабль тряхнуло от
серии взрывов. Ног таким

опустошительным

отвлекающим огнем у Кулаков, их сервов
и матросов было мало шансов помешать
врагу.

Переведя пистолеты на автоматический
режим Кхүргүл и Тхолик вышли из
укрытия и

открыли огонь, прикрывая Горфона.

Силовой кулак сержанта уничтожителей
зашипел

телной энергией, когда костодесантник
соткнул огромные металлические пальцы

и

ударил по стволу железного дерева
косяшками. Он бил снова и снова, кропая
почерневшую древесную массу и разрушая
основание гиганта лесистой луны. Древнее
колоссальное дерево подалось с
пронзительным треском, и Гвардейцы
Смерти

проводили глазами его окаменевшую
крону, которая свалилась на корабль.
Верхушка

тяжелого металлического ствола
пробила изувеченную секцию корпуса и
остановилась в
новой, зияющей брешу.

-- Ко мне, Могильщики! -- заревел Горфон.
Мурнау возгласил криком арканум над
сержантом, что уничтожитель
воспринял, как благословение их стараний.
Поклонившись,

сержант перелез через расколотый ствол
и перешел на тяжелый бег по скату,
устроенному упавшим деревом.

Могильщики последовали один за другим.

Каждый Гвардеец Смерти вернул один из
пистолетов в кобур и вынул клинок.
Ценные мечи уничтожителей были
короткими,
широкими, в форме фальчиона,
подходящее оружие, чтобы рубить на куски
вражеских
воинов, скрывающихся в замкнутых
пространствах и тенях упавшего корабля.
Когда кератитовые ботинки Мурнау
давили омертвевшую кору упавшего дерева,
капеллан почувствовал удары болтерные
снаряды Кулаков по нижней части ствола.
К то времени как капеллан добрался до
корпуса «Ксанфа», Горфон и его
уничтожители
были уже внутри. Выставив пистолет и
используя крозиус, чтобы убирать в
сторону
завесы из электрокабелей и протекающих
гидропроводов, Мурнау следовал за
быстрым
продвижением отделения уничтожителей
Легиона.

Эту доставляло радость находить огних мертвецов на их извилистом пути.

Оторванная секция представляла собой изматывающий лабиринт наклонных коридоров,

разрушенных отсеков и искореженных надстроек. Повсюду были тела -- останки сервов,

которым не повезло выжить после ужасного падения и изувечившего лес удара. Лампы

слабо тигали гаснущим электричеством, а полутрак был насыщен радиоактивным

туманом. Внутри корабля все было покрыто порошкообразными осадками страшного

обстрела. Они осели на темном доспехе пробиравшегося в темноте капеллана.

Мурнау шагнул через рваную дыру в переборке. Металл стекал вниз, здесь уничтожители

использовали мelta-бомбы, чтобы

пробиться в изолированный отсек. Пройдя
через

струи застывающего металла, Мурнау
оказался посреди бойни.

Здесь были новые трупы, у большинства
отсутствовали конечности. Тела были

изувечены рваными дырами, разбросаны по
сторонам в диком натиске абордажа. Все

члены экипажа и сервы Имперских
Кулаков были мертвы или же умирали.

Многие

сжимали лазерные карабины и
пистолеты. Капеллан мог представить
таким образом светового

спектакля из лучей и лазерных импульсов,
который встретил уничтожителей и
осветил

темноту между палубами.

Как только начался рукопашный бой,
мертвые матросы, по-видимому, совсем
не оказали

сопротивления. Они были слишком
больными, слишком слабыми. Они сделали
то, что им

приказали хозяева из Легиона и
удерживали силы магистра войны на
расстоянии, но они

сделали это на коленях, моля о смерти.
Страдания и муки, пережитые на борту
«Ксанфа»

были почти осязаемы. Мурнау понял, что
улыбается под личиной шлема.

Палуба была скользкой от рвоты и
телесных жидкостей, включая растущие
лужи

пролитой крови, а многие тела лежали с
повязками на сломанных руках и ногах, и
вокруг

лысеющих голов. Повсюду были ужасающие
свидетельства воздействия арсенала

уничтожителей. Радиация отравляла.
Вызывала язвы, волдыри. Под гавно
сброшенными

из-за сильного жара одеждатми
кровооточила плоть. Даже если бы

Могильщики не

прорубили своими руками дорожку через
корабль, сервы фрегата все равно бы

үтерли.

Горфон был прав: у выживших истекало время. Сыны Мортариона просто предоставили

благословенное освобождение и облегчили их страдания визжащими клинками и болтерными снарядами.

В то время как оптика раговала произошедшими зверствами, вокс-устройство Мүрнау

сообщало о новых, которые разворачивались на нижних палубах. Там раздавались

гневные и предсмертные крики, часто заглушаемые взрывами гранат, лязгом клинков и

грохотом пистолетных выстрелов. Гвардия Смерти была безжалостной. Неодолимой.

Жуткие убийцы Горфона были бесшумными и одержимыми, наслаждающимися бойней и сладкой атмосферой смерти.

Лоялистов и, конечно же, своей

собственной.

Капеллан нашел первого погибшего из числа своих костомогесантников на перевернутой

лестнице -- невозмутимое продвижение Кхаргұла привело к случайной кракегранате. Его

успех Марк III был разорван взрывом, как поспешно вскрытая консервная банка. Шлем

раскололся, и в нем оставалась только половина головы уничтожителя. Кхаргұл лежал на

боку и непонимающе моргал Мурнау, кровь стекала через решетчатую лестничную площадку.

Гвардеец Смерти безостановочно повторял попытку вставить новый

барабанный магазин в пустой пистолет, терпя раз за разом неудачу.

-- Тише, брат! -- сказал капеллан уничтожителю. Взмахнув жезлом своей должности,

Мурнау обрушил наверх крозиуса на то,

что осталось от головы костюгосантника.

Вытянув стилизованные и зазубренные крылья оружия из смятого черепа уничтожителя,

Мурнау последовал по пути разрушения

Могильщиков через напоминающие склеп

палубы в тонущие внутренности фрегата.

По вокс-связи он услышал новый звук

низкий

хриплый лай болтерной стрельбы.

Могильщики обнаружили свою добычу —

псов Дорна.

Личный состав «Ксанфа» из легионеров

Циперских Кулаков держался в темных

недрах

разбитого остова так, как мог только

VII Легион.

Спустившись через следующую выжженную

мельтой дыру в палубе и пройдя через

смятую переборку, Мурнау оказался в

лабиринте из искореженного металла

герметичных

отсеках, вероятно пробитых и

затопленных; забаррикадированных

коридорах и целых

палубах, рухнувших одна на другую.

Фонари госпеха Мурнау слабо освещали

повсеместное разрушение. На такой

глубине в корабль вообще не проникал свет,

давая

капеллану основания предполагать, что

они находились ниже уровня поверхности

болота. При спуске Мурнау обнаружил еще

двух убитых уничтожителей и

изувеченное

тело Имперского Кулака, который забрал

их жизни. Болтерный стрекот стал

ближе, хотя

звук яростной перестрелки сильно

искажался разрушенными помещениями

корабля.

Горфон и его уничтожители, должно

быть, выбили лоялистов из укрепленного

узла,

прорвавшись в недра фрегата. Имперские

Кулаки отступили внутрь корабля. Они

ушли,

потому что собирались сделать это.

Капеллан нашел Могильщикова на крутом спуске технического коридора. Палуба внизу

была освещена сильным пожаром, который разогнал темноту бело-синим блеском.

Гвардия Смерти была вовлечена в яростную перестрелку с горсткой врагов,

прерываемой взрывами радиационных гранат. Ответный огонь был

неприцельным, но

безостановочным. Но Мурнау был удивлен, обнаружив уничтожителей здесь, их

свирепое

наступление почти остановилось.

Сержант Горфон прислонился к люку, ведущему на склад инструментов. Он

поднял

огромный силовой кулак, чтобы прикрыть свою мерзкую рожу от рвущихся вокруг

болтерных снарядов.

— Доложить об обстановке, — потребовал капеллан. — Почему вы не атакуете?

— Трое, — предположил уничтожитель, — возможно четверо Кулаков удерживают

орудийную палубу. Их логово укреплено и
кажется, хорошо обеспечено боеприпасами
из

арсенала фрегата. У нас же остались
последние магазины.

-- Латам... -- выругался Мурнау, но
сержант покачал обожженной головой.

Сделав шаг

назад, он позволил фонарям госпехе
Мурнау осветить за своей спиной
очертания тела в

госпехе. Труп лежал в углу склада. Он был
без шлема, а обозначения на госпехе

распознавали в костодесантнике
капитана Имперских Кулаков.

На мертвенно-бледном лице капитана
Ориэля Латама застыло выражение
человека,

которого настигла внезапная и
насильственная смерть.

-- Ты? -- спросил капеллан.

Горфон покачал головой.

-- Думаю, он погиб при крушении.

Мурнау медленно кивнул. Латам

мертв...значит, сопротивление
возглавлял... кто? Другой
легионер? Находчивый сержант или
заместитель?

Он взглянул на Горфона.

- Есть другие входы?

Сержант Гвардии Смерти покачал
головой.

- Мы не можем пробиться внутрь? -
прошипел Мурнау с неожиданным
раздражением.

Капеллан почти чувствовал победу в своей
сжимающей хватке.

- Для такой атаки у меня нет воинов, -
сказал ему Горфон, пожав с виду сүтүлым
плечом.

- Кроме того, такие потери излишни.
Возможно, Имперские Кулаки скоро сами
выйдут.

Мурнау не нравилось, куда вело
самодовольство сержанта
уничтожителей.

- И зачем им так поступать? -
проборотал капеллан.

Горфон отцепил большой контейнер, который висел на нижней части его ранца.

-- Иначе они погибнут, -- заявил Горфон посреди непрерывного грохота стрельбы.

Он

бросил канистру капеллану. Мурнау поймал ее и повертел в руках.

Фосфекс.

В распоряжении Легионес Астармес было много видов ужасного оружия. Некоторые из

них предпочитали за хирургическую точность, другие за разрушительный потенциал.

Будучи живым оружием расширяющегося Имперума, легионеры ценили

соответствующие достоинства смертоносных инструментов своей профессии. Во многих

монастырских базах и на боевых баржах

Легиона пылились отдельные виды оружия,

которые не пользовались из-за их

разрушительной мощи. Для многих

подразделений и

офицеров применение радиационного и химического оружия выходило за рамки дозволенного. Оно было галеким отголоском темного прошлого, забытым наследием

анархии, из которой, в конце концов, родился сильный Империя. Для уничтожителей

Легиона это было излюбленное оружие, которое вызывало ужас и сеяло страх во вражеских рядах.

Вслед за фосфоресцирующим кошмаром экзотермического взрыва фосфен повиснет,

как ядовитое облако, которое выжжет и просочится во все, кому не посчастливится вступить в контакт с ним. Насколько было известно, фосфен не подвергается разложению.

-- Ты использовал это оружие? -- спросил Мурнау.

-- Скинул туда пару канистр, -- ответил ему Горфон с неприкрытой гордостью. -- Ты

пропустил крики, капеллан.

-- Очень жаль. Я предпочел бы, чтобы ты этого не делал.

-- Почему? -- рассеянно спросил сержант, когда рискнул бросить короткий взгляд в технический коридор. Перестрелка стихала, как доказательство токсичного пекла,

пронесшегося по нижней палубе.

-- Потому что наша операция требует от нас спуститься туда, -- сказал капеллан с почти

злой решимостью. Горфон отчетливо увидел убежденность в глазах Мурнау.

-- Ты шутишь! Это самоубийство, -- запротестовал уничтожитель Гвардии Смерти.

Мурнау наклонился поближе. Он тихо и отчетливо произнес каждое слово.

-- Никаких... выживших...

-- Но, брат-капеллан, -- начал Горфон, -- фосфекс...

-- Испытает нас, это так, -- согласился Мурнау. -- Но не больше, чем был испытан

лорг

Мортарион, который бесстрашно и
неукротимо направился в горы Барбаруса.

Каждый

шаг был агонией для него, каждый вдох
пыткой, но он сделал это, чтобы
освободить нас.

И поэтому мы свободны -- свободны в
выборе. Свободны решать собственную
судьбу.

Все, что он просит взамен, так это
повиновение. Дай же нам следовать по
стопам

примарха -- бесстрашно и неукротимо.

Мурнау снял череполикий шлем и
пристально посмотрел на сержанта. На
какое-то

мгновение на отвратительном лице
сержанта мелькнуло сомнение, затем оба
воина

разделили заразное безумие.

Капеллан поведет их по стопам
примарха. Сержант кивнул.

-- Гхолик. Хадар-Гул. Угете первыми, --

приказал Горфон, — мы должны покончить с

выжившими.

Когда Мурнау прикреплял шлем к поясу, то заметил минутную нерешительность среди

уничтожителей, которую они впервые продемонстрировали за время жестокого сабоража.

Могильщики с изувеченными лицами знали, что значат приказы сержанта Гвардейцы

Смерти сами должны бросить вызов фосфексу и потеряться физической выносливостью

и решимостью с Имперскими Кулаками.

...

УНИЧТОЖИТЕЛИ вошли первыми, держа наготове пистолеты и работающие на холостом

ходу ценные мечи. Грүлл Горфон с Мурнау следовали за ними, а Зоррак замыкал

колонну. Как и Хадар-Гүл, он бросил громоздную пусковую установку и

вооружился болт-
пистолетами. Стены и потолок коридора
вспыхнули, когда зажгли
флуоресцирующие
огни. Ужасное химическое пламя
танцевало на металле, пылая жутким
бело-синим огнем,
который казался голодным и как будто
желал захватить новую территорию.
Когда отряд
осторожно спускался по крутому коридору,
Мурнау почувствовал прикосновение к
коже
жидкого тумана токсичной смеси.
Подобно медленно действующим ядовитым
испарениям
она вызвала приступ удушья, и капеллан
почти тут же ощутил, как яд проникает
и
обжигает его внутренности.
Мурнау услышал мучительный рев
Циперских Кулаков, исходящий с нижней
палубы. По
вокс-связи капеллан уловил едва слышимый

мучительный ропот Могильщиков, шагающих через нависающий фосфен. Матовый кералит и зеленая окантовка их доспехов заметно тлела, но Мурнау не оценил в полной мере пытку, которой он их подверг, пока сам не ступил в концентрированное облако химической смерти.

Раскаленные языки пламени, вспыхнувшие на металле кабелей, нагрудника и наплечников немало отвлекали, воспламенив его глинные черные волосы и облизывая лицо.

Мурнау чувствовал, как в него въедается иссушающее токсичное соединение.

Могильщики молча спускались на оружейную палубу, подавляя боль. Мурнау предположил, что оставшиеся Имперские Кулаки страдали также, если не больше Гвардии Смерти, так как уничтожители вошли без сопротивления. Со стороны защитников не раздалось ни единого выстрела.

Орудийная палуба представляла картину сверкающего синего некла. Повсюду пылало пламя. Здесь уничтожители нашли пустые канистры и высочайшую концентрацию

химического облака. Мурнау услышал по воксу низкий рык уничтожителей, но это был

рокот решимости. Они были Гвардией Смерти, сыновьями Мортариона, карой Барбаруса.

Они были сильнее братских Легионов. Они не боялись ни смерти, ни любого оружия смерти. Их величайшим даром была нечеловеческая выносливость, и она и только она

вела вперед спотыкающихся Могильщиков.

-- Тела, -- сообщил Горфон, хрипя из-за разлагающихся легких.

-- И здесь тоже, -- пробурлькал Гхолик, когда уничтожители осторожно разошлись по открытой палубе. На ней лежали Имперские Кулаки, без шлемов и лицом

вниз, желтые

госпехи обгорели и деформировались.

Когда Мурнау и сержант стояли над телом одного

мертвого костомогесантника, капеллан
краем глаза заметил что-то.

-- Движение! -- Хадар-Гүл сумел издать
хриплый рев.

Из синего мрака, пошатываясь, вышел еще
один воин Ламата, в вялой руке он держал
болтер и наугад стрелял в палубу и
потолок. Горфон резко развернулся и
отшвырнул

противника силовым кулаком. Лоялист
упал, его отвратительное лицо
представляло

дымящуюся маску изъеденных мышц, кожи
не было, а скуловые кости были видны
сквозь

гиперобезвоженную кожу. Сержант
уничтожил его ударом потрескивающего
кулака снес

плавающую голову с плеч несчастного
воина. Имперский Кулак упал на колени,

затем

завалился на бок.

— Кровь! — выкрикнул Зоррак, привлекая внимание Мурнау и остальных Могильщиков.

Следуя за каплями запекшейся крови, которая шипела на палубе среди остатков фосфенса, уничтожитель повел их за собой через синий туман. Капли превратились в

сгустки, а те в кровавые отпечатки ботинок, пока, наконец, пятно на палубе не привело

Гвардейцев Смерти к одинокому костогесантнику, ползущему по оружейной палубе.

Зоррак поднял болт-пистолет.

— Стой! — рявкнул Мурнау обожженными губами. Распростертый воин определенно не

был Имперским Кулаком, на что явно указывал цвет его доспеха. Броня могла сойти за ту, что носила Гвардия Смерти. Мурнау прищурился кровоточащими

глазами. Даже сквозь

мерцающее на гонимых свечение было очевидно, что на нем нет расцветки, символа

Легиона и знаков отличия.

-- Кто он? -- выдал вопрос Горфон, ожидая, что капеллан знает ответ.

Мурнау не знал, но был уверен, что воин -- тот самый драгоценный груз, который «Ксанф»

вез на Терру. Пассажир действительно был костогесантником, но больше не легионером.

-- Он -- шпион лоялистов, -- заявил капеллан, -- какой-то агент Императора.

Мурнау встал перед лежащим костогесантником, тот посмотрел на него с палубы. Его

глаза затуманились и покрылись кровавыми пятнышками, а кожа на лице лопнула и

высыхала на глазах капеллана. Рыжеватые волосы и борода были заплетены в косы, а

бакенбарды пропитала запекшаяся кровь, вытекавшая из разлагающихся легких.

Воин

взглянул на Мурнау и продемонстрировал окровавленные острые зубы. Он нарушил напряженную тишину хриплым, но полным первобытной решимости голосом.

— Это... Варсьолг, — прохрипел агент, — сержант... действуй...

Мурнау понадобилось мгновение, чтобы понять — агент говорил в вокс.

Внезапная детонация сотрясла оружейную палубу, это перегрузилось одно из плазменных орудий. Оно полыхнуло жаром и светом миниатюрного солнца.

Мурнау почувствовал, как сместился весь корабль. Капеллана швырнуло о переборку, а

всю конструкцию несколько раз сильно потряхнуло. Агент Варсьолг приказал какому-то

невидимому союзнику взорвать пушку и корпус корабля. Мурнау почувствовал, как

«Ксанф» накренился, когда поток болотной

грязи хлынул на оружейную палубу. Что-то
внутри корабля выровнялось, переломный
момент был пройден, и дополнительный
вес

грязной воды потащил остов на дно.

Секунды проносились одна за другой.
Мурнау услышал одиночный выстрел из
болт-

пистоleta. Фосфенк затмил все вокруг
синей светящейся пленой, и под ее
прикрытием

Горфон получил выстрел в горло. Под
таким углом снаряд вошел сержанту
уничтожителей в подбородок и снес
покрытую струньями такуюшку. Мурнау
понял, что

Варскюлд выстрелил из спрятанного
оружия. Ответ капеллана был
немедленным и

хорошо отработанным. Крозиус обрушился
на голову агента с ужасной силой и
раскроил

череп. Из-под спутанных рыжих кос потек
мозг.

Тонущий корабль снова накренился, еще раз сбив с ног оставшихся Могильщников.

Мурнау слышал, как снаружи бурлит грязь. В облезших ушах ревел злобонный воздух,

который, тем не менее, не смог рассеять ужасную хватку фосфенса, вцепившегося в палубу. Капеллан слышал со всех сторон мучительные стоны «Ксанфа», несущегося в

болотную могилу.

Почти ослепшие и по-прежнему страдающие от беспощадного едкого воздействия

фосфенного тумана, Гвардейцы Смерти боролись. Из-за постоянно двигающейся по ним палубы неудивительно, что ревущие черные воды добрались до них так быстро.

Мурнау шел, спотыкаясь, по наклону и помогал себе руками, цеплялся за трубу, тянущуюся вдоль переборки оружейной палубы. Гхолик и Хагар-Гул молча исчезли в

темноте, их стыл поток разлагающейся

тины.

Корабль двигался. То, что было уклоном, стало вибрирующей вертикалью. Зоррак громоподобными шагами направился к капеллану, и свое Гвардейцев Смерти потянулись

друг к другу, но их пальцы разминулись на волосок, и уничтожитель полетел вниз в неистовый водоворот поднимающейся воды.

Используя крозиус в качестве ледоруба, Мурнау поднимался по стене, словно по отвесной скале. Вбивая оружие в металлическую обшивку, он создавал точки опоры,

чтобы подтянуться, одновременно избавляясь при помощи рук и ног от мешающих

трубопроводов и кабелей, которые тянулись по коридору. Тем временем тягучее облако

фосфенка пожирало тело и решимость капеллана, у него было такое ощущение, что

каждый дюйм его обнаженный плоти
горел.

Когда кружащаяся в водовороте вязкая
грязь с шумом стала подниматься к

Мурнау, он

поднялся на покоренную лестницу, но
разлагающаяся гниль начала сочиться,
течь, а

затем и хлестать сверху. Капеллан на
минуту остановился. «Ксанф» тонул,
болотная

вода поступала внутрь через отверстия и
бреши в корпусе упавшего корабля, заливая
фрегат и сверху и снизу. Путь к бегству
капеллану был отрезан, и он оказался его в
ловушке на лестнице.

Мурнау врезал кулаком по стене коридора,
оставив вмятину в металле. Его худое
лицо

искажилось от гнева, лишенные кожи
мышцы и сухожилия образовали
разочарованную

маску. Капеллан уселся на лестничной
конструкции, наблюдая, как тито льется

жидкая

грязь в зловонные воды внизу. Мүрнау
думал о гарах жизни, которые зачахли и
погибли,

чтобы возникло такое разорение и
разложение, о перспективе новой жизни,
которую

сүлила гниющая слизь для насекомых,
паразитов и грибковых форм,
колонизировавших и

захвативших Алгонкис, быстро
превратившийся в болото. Мысль о том,
что он станет

частью этого плодотворного разложения
на минуту развеселила капеллана. Он бы
улыбнулся, но от его лица так мало
осталось.

Острая боль в глазах превратилась в
темноту, и все, что у Мүрнау осталось —
это огонь в

его обожженных кровоточащих легких и
приговор в сердцах. Веселье и безумие
покинули

капеллана. Он облизал безупречные зубы.

Даже покрывшись волдырями языком он смог ощутить тяжелое смертоносное воздействие, просачивающееся в его тело.

...

В ПУСТЫННОМ мраке мысли капеллана вернулись к истории о восхождении

Мортариона, которую он рассказывал уничтожителям, чтобы воодушевить их и укрепить

дух. К своему удивлению и разочарованию сейчас он нашел в ней крайне мало

вдохновения. Образ Мортариона на токсичных склонах Барбаруса только служил

напоминанием ему, что ядовитая среда их родины на самом деле побегла притарха, и

это Император спас своего падшего сына.

Никто не спасет Морганса Мурнау. Капеллан вспомнил настойчивый приказ Форгала: на

борту «Ксанфа» не должно быть выживших.

Их и в самом деле не будет.

